

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА

Иван Андреевич Крылов

Басни. Стихотворения

В данном издании представлены избранные басни и стихотворения, написанные И. Крыловым в XVIII веке.

И. КРЫЛОВ

БАСНИ

Стыдливый игрок

Случилось некогда мне быть в шумливом мире;
Сказать ясней, мне быть случилось в трактире;
Хотя немного там увидеть лъзя добра,
Однако ж тут велась изрядная игра.
Из всех других поудалее
Один был рослый молодец,
Беспутства был он образец
И карты ставил он и гнул смелее;
И вдруг
Спустил все деньги с рук.
Спустил, а на кредит никто ему не верит,
Хоть, кажется, в божбе Герой не лицемерит.
Озлился мой болван
И карту с транспортом поставил на кафтан.[1]
Гляжу чрез час: Герой остался

мой в камзоле,
Как пенёк на чистом поле;
Тогда к нему пришел
От бабушки посол
И говорит: «Отец совсем твой
умирает,
С тобой проститься он желает
И приказал к себе просить».
«Скажи ему, — сказал мой фая,

—
Что здесь бубновая сразила меня
кряля;
Так он ко мне сам может быть.
Ему сюда придти нисколько не обид-
но;
А мне по улице идти без сапогов,
Без платья, шляпы и чулков,
Ужасно стыдно».

1⁷⁸⁸

Судьба игроков

Вчера друга в карете видел
я;
Бедняк — друг мой, я очень
удивился,
Чем столько он разжился?
А он поведал мне всю правду, не
тая,

Что картами себе именье он до-
ставил

И выше всех наук игру картежную
ставил.

Сегодня же пешком попался мне
мой друг.

«Конечно», — я сказал, — спустил
уж всё ты с рук?»

А он, как философ, гласил в своем
ответе:

«Ты знаешь, колесом вертится
все на свете».

1⁷⁸⁸

Павлин и соловей

Невежда в физике, а в музыке зна-
ток,

Услышал соловья, поющего на
ветке,

И хочется ему иметь такого в
клетке.

Приехав в городок,

Он говорит: «Хотя я птицы той
не знаю

И не видал,

Которой пением я мысли восхи-
щал,

Которую иметь я столь желаю,

Но в птичьем здесь ряду,
Конечно, много птиц найду». *Наполняя мыслью такою,
Чтоб выбрать птиц на взгляд,
Пришел боярин мой во птичий
ряд
С набитым кошельком, с пустою
головою.
Павлина видит он и видит соловья
И говорит купцу: «Не ошибаюсь я,
Вот мной желанная прелестная
певица!
Нарядной бывши толь, нельзя ей
худо петь;
Купец, мой друг! скажи, что сто-
ит эта птица?»
Купец ему в ответ:
«От птицы сей, сударь, хороших
песней нет;
Возьмите соловья, сидяца близ
павлина,
Когда вам надобно хорошего пев-
ца».
Не мало то дивит невежду госпо-
дина,
И, быть бояся он обманут от
купца,*

Прекрасна соловья негодной птицей числит
И мыслит:
«Та птица перьями и телом так мала.
Не можно, чтоб она певичею была».
Купив павлина, он покупкой веселится
И мыслит пением павлина наслаждаться.
Летит домой
И гостье сей отвел решетчатый покой;
А гостейка ему за выборы в награду
Пропела кошкою разов десятков сряду.
Мяуканьем своим невежде давши знать,
Что глупо голоса по перьям выбирать.

Подобно, как и сей боярин, заключая,
Различность разумов пристрастно различая,
Не редко жалуем того мы в дура-

ки,
Кто платьем не богат, не пышен
волосами;
Кто не обнизан вокруг перстнями
и часами,
И злата у кого не полны сундуки.

1⁷⁸⁸ Недовольный гостями стихотворец

У Рифмохвата[2]
Случилось гостей полна палата;
Но он, имея много дум,
На прозе и стихах помешанный
свой ум,
И быв душой немного болен,
Гостями не очень был доволен;
И спрашивал меня: «Как горю по-
собить,
Чтоб их скорее проводить?
Взбеситься надобно, коль в доме
их оставить,
А честно их нельзя отправить
Из дома вон».
Но только зачал лишь читать
свою он оду,
Не стало вмиг народу,
И при втором стихе один остал-
ся он.

Вид дворца в Павловске и сада со сто-

роны озера.

Гравюра А. Ухтомского с оригинала
С. Щедрина. 1800-е годы.

Государственный музей изобразитель-
ных искусств имени А. С. Пушкина.

СТИХОТВОРЕНИЯ

К другу моему[3] А. И. К.<лушину>

Скажи, любезный друг ты мой,
Что сделалось со мной такое?
Не сердце ль мне дано другое?
Не разум ли мне дан иной?
Как будто сладко сновиденье,
Моя исчезла тишина;
Как море в лютное волненье,
Душа моя возмущена.
Едва одно желанье вспыхнет,
Спешит за ним другое вслед;
Едва одна мечта утихнет,
Уже другая сердце рвет.
Не столько ветры в поле чистом
Колеблют гибкий, белый лен.
Когда, бунтуя с ревом, свистом,
Деревья рвут из корня вон;
Не столько годы рек суровы,
Когда ко ужасу лугов

Весной алмазны рвут оковы
И ищут новых берегов;
Не столько и они ужасны,
Как страсти люты и опасны,
Которые в груди моей
Мое спокойство отравляют
И, раздирая сердце в ней,
Смущенный разум подавляют.
Так вот, мой друг любезный, плод,
Который нам сулят науки!
Теперь ученый весь народ
Мои лишь множит только скуки.
Платон, Сенека, Эпиктет[4],
Все их ученые соборы,
Все их угрюмы заговоры,
Чтоб в школу превратить весь
свет,
Прекрасных девушек в Катонов
И в Гераклитов[5] всех Ветронов
[6];
Все это только шум пустой.
Пусть верит им народ простой,
А я, мой друг, держусь той веры,
Что это лишь одни химеры.
Не так легко поправить мир!
Скорей, воскреснув, новый Кир[7]
Иль Александр[8], без меры сме-
лый,

Чтоб расширить свои пределы,
Объявят всем звездам войну
И приступом возьмут луну;
Скорее Сен-Жермень[9] восстанет
И целый свет опять обманет;
Скорей Вралин переродится,
Стихи картавить устыдится
И будет всеми так любим,
Как ныне мил одним глухим;
Скорей все это здесь случится;
Но свет — останется, поверь,
Таким, каков он есть теперь;
А книги будут всё плодиться.
К чему ж прочел я столько книг,
Из них ограду сердцу строя,
Когда один лишь только миг —
И я навек лишен покоя?
Когда лишь пара хитрых глаз,
Улыбка скромная, лукава,
И философии отравы
Дана в один короткий час.
Премудрым вооружась Платоном,
Угрюмым Юнгом[10], Фенелоном,
Задумал целый век я свой
Против страстей стоять горой.
Кто ж мог тогда мне быть опасен?
Ужли дитя в пятнадцать лет?

Конечно — вот каков здесь свет!
Ни в чем надежды верной нет;
И труд мой стал совсем напрасен,
Лишь встретился с Анютой я.
Угрюмость умерла моя —
Нагрелось сердце, закипело —
С умом спокойство отлетело.
Из всех наук тогда одна
Казалась только мне важна
Наука, коя вечно в моде
И честь приносит всей природе,
Которую в пятнадцать лет
Едва ль не всякий узнает,
С приятностью лет тридцать
учит,
Которую никто не скучит,
Доколе сам не скучен он;
Где мил, хотя тяжел закон;
В которой сердцу нужны силы,
Хоть будь умок силен слегка;
Где трудность всякая сладка;
В которой даже слезы милы —
Те слезы, с смехом пополам,
Пролиты красотой стыдливой,
Когда, осмелясь стать счастли-
вой,
Она дает блаженство нам.

Наука нужная, приятна,
Без коей трудно век пробыть;
Наука всем равно понятна —
Уметь любить и милым быть.
Вот чем тогда я занимался,
Когда с Анютой повстречался;
Из сердца мудрецов прогнал,
В нем место ей одной лишь дал
И от ученья отказался.
Любовь дурачеству сродни:
Деля весь свет между собою,
Они, мой друг, вдвоем одни
Владеть согласно стали мною.
Вселяся в сердце глубоко,
В нем тысячи затей родили,
Все пылки страсти разбудили,
Прогнав рассудок далеко.
Едва прошла одна неделя,
Как я себя не узнавал:
Дичиться женщин перестал,
Болтливых их бесед искал —
И стал великий пустомеля.
Все в них казалось мне умно:
Ужимки, к щегольству охота,
Кокетство — даже и зевота —
Все нежно, все оживлено;
Все прелестью и жаром блещет,
Все мило, даже то лино[11],

Под коим бела грудь трепещет.
Густые брови колесом
Меня к утехам призывали,
Хотя нередко угольком
Они написаны бывали;
Румянец сердце щекотал,
Подобен розе свежей, алой,
Хоть на щеке сухой и вялой
Природу худо он играл;
Поддельна грудь из тонких флe-
ров[12],
Приманка взорам — сердцу яд —
Была милей всех их уборов,
Мой развлекая жадный взгляд.
Увижу ли где в модном свете
Стан тощий, скрученный, сухой,
Мне кажется, что пред собой
Я вижу грацию в корсете.
Но если, друг любезный мой,
Мне ложны прелести столь милы
И столь имеют много силы
Мою кровь пылку волновать, —
Представь же Аннушку прелест-
ну,
Одной природою любезну —
Как нежный полевой цветок,
Которого лелеет Флора,
Румянит розова Аврора,

Которого еще не мог
Помять нахальный ветерок;
Представь — дай волю воображе-
нию —
И рассуди ты это сам,
Какому должно быть движенью,
Каким быть должно чудесам
В горящем сердце, в сердце новом,
Когда ее увидел я?
Обворожилась грудь моя
Ее улыбкой, взором — словом:
С тех пор, мой друг, я сам не свой.
Любовь мой ум и сердце вяжет,
И, не заботясь, кто что скажет,
Хочу быть милым ей одной.
Все дни мне стали недосужны,
Твержу науку я любить;
Чтоб женщине любезным быть.
Ты знаешь, нам не книги нужны.
Пусть Аннушка моя умна,
Но все ведь женщина она.
Для них магниты, талисманы —
Жилеты, пряжки и кафтаны,
Нередко пуговка одна.
Я, правда, денег не имею;
Так что же? — Я занять умею.
Проснувшись с раннею зарею,
Умножить векселя лечу —

Увижу ль на глазах сомненье,
Чтоб все рассеять подозренье,
Проценты клятвами плачу.
Нередко, милым быть желая,
Я перед зеркалом верчусь
И, женский вкус к ужимкам зная,
Ужимкам ловким их учусь;
Лицом различны строю маски,
Кривляю носик, губки, глазки,
И, испужавшись сам себя,
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И так пустила, как уroda.
Досада сильная берет,
Почто я выпущен на свет
О такую грубой головою.
Забывшись, рок я поношу
И головы другой прошу,—
Не зная, чем и той я стою,
Которую теперь ношу.
Вот как любовь играет нами!
Как честью скромный лицемер;
Как службой модный офицер;
Как жены хитрые мужьями.
Не день, как ты меня узнал;
Не год, как мы друзья с тобою;
Как ты, мой друг, передо мною
Малейшей мысли не скрывал

И сам в душе моей читал, —
Скажи ж: таков ли я бывал? —
Сует, бывало, ненавидя,
В тулупе летом, дома сидя,
Чинов я пышных не искал;
И счастья в том не полагал,
Чтоб в низком важничать наро-
де, —
В прихожих ползать не ходил.
Мне чин один лишь лестен был,
Который я ношу в природе, —
Чин человека; в нем лишь быть
Я ставил должностью, забавой;
Его достойно сохранить
Считал одной неложной славой.
Теперь, мой друг, исчез тот мрак,
И мыслю я совсем не так.
Отставка начала мне скучить,
Хочу опять надеть мундир;
«Как счастлив тот, кто бригадир
[13],
Кто может вдруг шестерку му-
чить! [14]» —
Кричу нередко сгоряча,
И шлем и латы надеваю,
В сраженьях мыслю летаю,
Как рюмки, башни разбиваю
И армии рублю сплеча;

Потом, в торжественной мину-
те,

Я возвращаюсь к Анюте,
Покрытый лавровым венком;
Изрублен, крив, без рук и хром;
Из-под медвежьей теплой шубы
Замерзло сердце ей дарю;
И сквозь расколотые зубы
Про стару нежность говорю,
Тем конча все свое искусство,
Чтоб раздражить в ней пылко
чувство.

Бывало, мне и нужды нет,
Где мир и где война сурова:
Не слышу я — и сам ни слова, —
Иди, как хочет здешний свет.
Теперь, мой друг, во все вплетаюсь
И нужным быть везде хочу;
То к Западу с войной лечу,
То важной мыслью занимаюсь
Европу миром подарить,
Иль свет по-новому делить, —
И быв нигде, ни в чем не нужен,
Везде проворен и досужен;
И все лишь только для того,
Чтоб луч величья моего
Привлек ко мне Анюту милу;
Чтоб, зная цену в нем и силу,

Сдалась бы всею мне душой
И стала б барыней большой.
Бывало, мне покой мой сладок,
Честь выше злата я считал:
С богатством совесть не равнял
И к деньгам был ничуть не падок.
Теперь хотел бы Крезом быть,
Чтоб Аннушки любовь купить;
Индейски берега жемчужны
Теперь мне надобны и нужны.
Нередко мысленно беру
Я в сундуки свои Перу,
И, никакой не сделав службы,
Хочу, чтобы судьбой из дружбы
За мной лишь было скреплено
Сибири золотое дно:
Чтобы иметь большую славу
Анюту в золоте водить,
Анюту с золота кормить,
Ее на золоте поить
И деньги сыпать ей в забаву.
Вот жизнь весть начал я такую!
Жалей о мне, мой друг, жалей —
Одна мечта родит другую,
И все — одна другой глупей;
Но что с природой делать ста-
нешь?
Ее, мой друг, не перетянешь.

Быть может, что когда-нибудь
Мой дух опять остепенится;
Моя простынет жарка грудь —
И сердце будет тише биться,
И страсти мне дадут покой.
Зло так, как благо, — здесь не веч-
но;
Я успокоюсь конечно;
Но где? — под гробовой доской.

1⁷⁹³

Утешение Анюте[15]

Ты грустна, мой друг, Анюта;
Взор твой томен, вид уныл,
Белый свет тебе постыл,
Веком кажется минута.
Грудь твоя, как легка тень
При рассвете, исчезает
Иль, как в знойный летний день
Белый воск от жару, тает.
Ты скучаешь, — и с тобой
Пошутить никто не смеет:
Чуть зефир косынку взвееет,
Иль стан легкий, стройный твой
Он украдкой поцелует,
От него ты прочь бежишь.
Без улыбки уж глядишь,
Как любезную милует

Резвый, громкий соловей;
Не по мысли всё твоей;
Все иль скучно, иль досадно,
Все не так, и все не ладно.
Если тонкий ветерок
Розовый один листок
На твою грудь белу бросит,
Иль твой друг, Фидель[16] твоя,
Увиваясь вокруг тебя,
Поцелуя лишь попросит,
Ты досадуешь на них.
Как ручей, иссохший в поле,
Не журчит по травке боле,
Так твой резвый нрав утих.
Что ж, мой друг, тому виною?
Ты прекрасна, молода:
Раз лишь встретиться с тобою —
И без сердца навсегда;
Раз вдохнуть лишь вздох твой
страстный,
Раз тебя поцеловать,
Только раз — и труд напрасный
Будет вольности искать.
Взглянешь ты — в нас сердце та-
ет;
Улыбнешься — кровь кипит;
И душа уж там летает,
Где любовь нам рай сулит.

Я не лъшу — спроси — и то же
Всякий скажет за себя:
Пять минут с тобой дорожке,
Нежель веки без тебя.
Отчего ж сей вид унылый?
Льзя ль скучать, столь бывши ми-
лой?
Ты молчишь — твой томный
взгляд
Устремился на наряд.
Как в нечаянны морозы
Вышед на поблекший луг,
Нежна Клоя, Флоры друг,
Воздыхая — и сквозь слезы,
Видит побледневши розы,
Так тебе, Анюта, жаль,
Что французски тонки флёры,
Щегольские их уборы,
Легки шляпки, ленты, шаль,
Как цветы от стужи, вянут —
Скоро уж они не станут
Веять вокруг твоих красот:
Время счастья их пройдет.
Скоро я пенять не стану,
Что французский тонкий флёр,
Равный легкому туману,
Мой заманивая взор,
Все утехы обещает

И, рассеявши его,
Не открывши ничего,
Только сердце обольщает.
И в цветы французских флор,
В сей любимый твой убор,
Тихое твое дыханье
Перестанет жизнь вливать;
Их волшебных роз сиянье
Ты не станешь затмевать;
Перед их лином гордиться
Ты не будешь белизной;
Украшая пояс твой,
Во сапфир не претворится
Васильковая эмаль;
Чиста лондонская сталь
В нем зарями не заблещет.
Чувствам сладких аромат
На прелестный твой наряд
Флора сенска[17] не восплещет.
Шаль не будет развевать,
Около тебя взвиваясь;
И зефир, под ней скрываясь,
Перестанет уж трепать
Белу грудь твою высоко.
Чем снабжал парижский свет
Щегольской твой туалет,
Терпит ссылку то жестоку,
И всего того уж нет.

Вот вина всей грусти, скуки:
Этой горькой снести разлуки
Сил в тебе недостает.
Так малиновка тосклива,
Слыша хлады зимних дней,
Так грустна, летя с полей,
Где была дружкой счастлива.
Так печален соловей,
Зря, что хлад долины косит,
Видя, что Борей разносит
Нежный лист с молодых деревьев,
Под которым он зарею
Громкой песню свою
Оживлял тенистый лес.
Но тебе ль, мой друг, опасна
Трата всех пустых прикрас?
Ими ль ты была прекрасна?
Ими ль ты пленяла нас?
Ими ль пламенные взоры
Сладкий лили в сердце яд?
И твои ль виной уборы,
Что волнует кровь твой взгляд?
Ах Анюта! как же мало
Знаешь ты ценить себя!
Или зеркало скрывало,
Иль то тайна для тебя,
Что ты столь, мой друг, пре-
лестна?

Не убором ты любезна,
Не нарядом хороша:
Всем нарядам ты — душа.
Нужны ль розанам румяны,
Чтобы цвет иметь багряный;
Иль белилы для лилей,
Чтоб казаться им белей?
Труд не будет ли напрасный
Свечку засветить в день ясный,
Чтобы солнышку помочь
Прогонять угрюму ночь?
Так уборы, пышность, мода,
Слабы все перед тобой:
Быв прекрасна, как природа,
Ты мила сама собой.

1⁷⁹³

Ода Уединение

Среди лесов, стремнин и гор,
Где зверь один пустынный бро-
дит,
Где гордость нищих не находит
И роскоши неведом взор,
Ужели я вдали от мира?
Иль скрежет злобы, бедных стон
И здесь прервут мой сладкий сон?
Вещай, моя любезна лира!

Вдали — и шумный мир исчез,
Исчезло с миром преступленье;
Вдали — и здесь, в уединенье,
Не вижу я кровавых слез.
На трупах бледных вознесенна,
Здесь слава мира не сидит,
Вражда геенны не родит,
Земля в крови не обагрена.

Ни башней гордых высота
Людей надменья не вещает;
Ни детских чувств их не прельща-
ет
Здесь мнима зданий красота.
Знак слабости и адской злобы,
Здесь стены сердцу не грозят,
Здесь тьмами люди не скользят
В изрыты сладострастьем гробы.

Там храмы как в огне горят,
Сребром и золотом отягченны;
Верхи их, к облакам взнесенны,
Венчанны молнией, блестят;
У их подножья бедность стонет,
Едва на камнях смея сесть;
У хладных ног их кротость, честь
В своих слезах горючих тонет.

Там роскошь, золотом блестя,
Зовет гостей в свои палаты
И ставит им столы богаты,
Изнеженным их вкусам льстя;
Но в хрусталях своих бесценных
Она не вина раздает:
В них пенится кровавый пот
Народов, ею разоренных.

Там, вид приманчивых забав
Приемля, мрачные пороки
Влекут во пропасти глубоки,
Сердца и души обуяв;
Природа дремлет там без дей-
ства,
Злосчастие рождает смех;
Болезни там — плоды утех;
Величие — плоды злодейства.

Оставим людям их разврат;
Пускай фортуны в храмах просят
И пусть гордятся тем, что но-
сят
В очах блаженство, в сердце — ад.
Где, где их счастья совершенство?
За пышной их утехой вслед,
Как гарпия, тоска ползет, —
Завидно ль сердцу их блажен-

ство?

*Гордясь златою чешуей,
Когда змея при солнце вьется,
От ней как луч приятный льется
И разных тысяча огней:
Там синева блестит небесна,
Багряность там зари видна,—
И, кажется, горит она,
Как в тучах радуга прелестна;*

*Горит; но сей огонь — призра́к!
Пылающая единым взглядом,
Она обвита вечным хладом,
В ней яд, ее одежда — мрак.
Подобно и величье мира
Единой внешнестью манит:
В нем угрызений желчь кипит,
На нем блестит одна порфира.*

*Но здесь на лоне тишины,
Где все течет в природе стройно,
Где сердце кротко и спокойно
И со страстями нет войны;
Здесь мягкий луг и чисты воды
Замена злату и серебру;
Здесь сам веселья я беру
Из рук роскошныя природы.*

Быв близки к сердцу моему,
Они мое блаженство множат;
Ни в ком спокойства не тревожат
И слез не стоят никому.
Здесь по следам, едва приметным,
Природы чин я познаю,
Иль бога моего пою
Под дубом, миру равнолетным.

Пою — и с именем творца
Я зрю восторг в растенье диком;
При имени его великом
Я в хладных камнях зрю сердца;
По всей природе льется радость:
Ключ режется, играет лес,
Верхи возносят до небес
Одеты сосны в вечну младость.

Недвижны ветры здесь стоят
И ждут пронесть в концы вселенной,
Что дух поет мой восхищенный,
Велик мой бог, велик — он свят!
На лире перст мой ударяет.
Он свят! — поют со мной леса,
Он свят! — вещают небеса,

Он свят! — гром в тучах повто-
ряет.

Гордитесь, храмы, вышиной
И пышной роскошью, народы;
Я здесь в объятиях природы
Горжусь любезной тишиной,
Которую в развратном мире
Прочь гоните от сердца вы
И кою на берегах Невы
Наш Росский Пиндар[18] пел на
лире.

Вдали от ваших гордых стен,
Среди дубрав густых, тенистых,
Среди ключей кристальных, чи-
стых,
В пустыне тихой я блажен.
Не суетами развлекаться
В беседах я шумливых тщуся,
Не ползать в низости учусь —
Учусь природе удивляться.

Здесь твердый и седой гранит,
Не чувствуя ни стуж, ни лета,
Являя страшну древность света,
Бесчисленность столетий спит.
Там ключ стремнины иссекает

*Иль роет основанья гор
И, удивляя смертных взор,
Труд тысячи веков являет.*

*Там дуб, от листьев обнажен,
По камням корни простирает —
На холм облегшись, умирает,
Косою времени сражен.
Там горы в высотах эфира
Скрывают верх от глаз моих —
И, кажется, я вижу в них
Свидетелей рожденья мира.*

*Но что за громы вдалеке?
Не ад ли страшный там дымит-
ся?
Не пламя ль тартара крутится,
Подобно воющей реке?
Война! — война течет кровава!
[19] —
Закон лежит повержен, мертв,
Корысть алкает новых жертв,
И новой крови жаждет слава!*

*Сомкнитесь, горы, вокруг меня!
Сплетитесь, леса дремучи!
Завесой станьте, черны тучи,
Чтоб злости их не видел я.*

Удары молнии опасны,
В дубравах страшен мрак ночной,
Ужасен зверя хищна вой —
Но люди боле мне ужасны.

1793^{-1795 (?)} На случай грозы в деревне

Начто над рощей сей тенистой
Ты завываешь, бурный ветер,
И над зелеными лугами
Теснитесь, грозны тучи, вы?
Кого во мраках, вихри люты,
Вы устрашить хотите здесь?
Чью грудь, громовые удары,
Стремитесь здесь вы разразить?
Ах, на кого ты вооружаешь
Природу, гневно божество?
Не соловей ли кроткий, нежный
Причина гнева твоего?
Не пеночка ль невинной песнью
Тебя умела раздражить?
Или невинная овечка
Могла нарушить твой закон,
И вооружит тебя перуном
На сердце робкое свое,
На грудь, покрытую волною,
Подобну снегу белизной,
А мягкостью подобну пуху?

Или смиренный селянин,
В избыток чуждый работая
И оживляя грудь свою
Нехитростною сельской песнью,
Мог возбудить твой страшный
гнев?

Открой мне, царь миров несчет-
ных:

Ужли для них навел ты тьму
И повелел ударить громам,
И воздух раздирать перунам,
И вихрям дубы вырывать?
Для них ли здесь природа стонет?
А там, за полем вдалеке,
А там, за белыми стенами,
Изнеженная роскошь дремлет:
Не громаы слух ее мятут,
Пред нею мусикийски хоры,
Согласьем сердце щекотя,
Поют порокам песни хвальны
И сладострастье в душу льют.
А там гордец, надувшись грудью,
Тебе мечтает равен быть
И по земле едва ступает,
Чтя недостойным ног своих
Ходить по той, кем он питаем
И от кого исшел на свет.
А тамо, львиными когтями

Корыстолюбье воруясь,
Рыкая пламенем гееннским,
Кричит: всё собственность моя!
Моя земля, мои все воды,
Огонь и самый воздух мой!
Кричит! — и с алчностью объем-
лет

Дальнейшие края земли.
Здесь гром — а там спокойно лю-
ди

Порокам воздвигают трон;
Здесь гром — а там они спокойно
Курят пред ними фимиам, —
И солнце ясно светит там,
И не смущается природа,
Нарушен видя свой закон!
На них, на них, о боже вечный,
Горами тучи ты надвинь,
Рассыпь на них свои перуны
И под ногами дерзких сил
Разверзи пропасти земные
И дно им ада покажи, —
Чтоб там они узрели муки,
Назначенные злобе их,
Чтобы оттоль сразились стоном
Предместников своих во зле,
И чтобы, кровью заливаясь,
Им сердце в трепете рекло,

*Что жив злодеев страшный
мститель.*

1790^{-1800 (?)}

ПРИМЕЧАНИЯ

Иван Андреевич Крылов (1760–1844) родился в семье бедного армейского офицера. Рано лишился отца. Служил чиновником в Твери и в Петербурге. Первые литературные опыты Крылова связаны с театром: комическая опера, комедии, трагедии. В 1789 году был издателем и почти единственным автором сатирического журнала «Почта духов». Вместе с А. И. Клушиным издает сатирические журналы «Зритель» (1792) и «С.-Петербургский Меркурий» (1793).

Лирика Крылова 90-х годов в жанровом отношении примыкает к сентиментальной поэзии этого времени (послания, пейзажная лирика). Однако по своему содержанию поэзия Крылова резко отличается от лирики карамзинистов демократическим обликом лирического героя, обилием бытовых деталей, шутливым, а подчас ироническим тоном повест-

вованая, доходящим в отдельных случаях до едкого, бичующего сарказма («На случай грозы в деревне»).

В 1809 году появляется первая книга басен Крылова, которая имела огромный успех и определила дальнейшее творчество поэта. С 1812 года и почти до самой смерти Крылов находился на службе в Петербургской Публичной библиотеке.

Басни, написанные Крыловым в XVIII веке, в художественном отношении стоят ниже его же басен более позднего времени и поэтому не были включены автором в сборники, изданные в XIX веке.

Стихотворения И. Крылова печатаются по тексту издания: И. А. Крылов, Полное собрание сочинений в 4-х томах, Гослитиздат, т. III, М. 1946.

Примечания

1

И карту с тронспортом поставил на кафтан
— то есть вместо денег поставил на карту
кафтан.

[^^^]

У *Рифмохвата*... — Но-видимому, намек на Я. Б. Княжнина, который в комедии И. Крылова «Проказники» выведен был под именем Рифмохвата.

[^^^]

К другу моему. — Стихотворение обращено к Александру Ивановичу Клушину, писателю, издававшему вместе с Крыловым сатирические журналы.

[^^^]

4

Эпиктет (ок. 50 — ок. 138) — греческий философ-стоик, проповедовавший отречение от суеты жизни ради духовного самоусовершенствования.

[^^^]

5

Гераклит — греческий философ-материалист.

[^^^]

...всех Ветронов... — всех легкомысленных,
пустых людей.

[^^^]

Кир (ум. в 530 г. до н. э.) — древнеперсидский царь с 558 года до н. э.

[^^^]

Александр — Александр Македонский.

[^^^]

Сен-Жермень (Сен-Жермен) — алхимик и авантюрист XVIII века.

[^^^]

Юнг Эдуард (1683–1765) — английский поэт-сентименталист.

[^^^]

Лино — тонкое полотно (*от франц. linon*).

[^^^]

Флёр — полупрозрачная легкая ткань (от нем. *Flor*).

[^^^]

Бригадир — военный чин, следующий за чином полковника.

[^^^]

Кто может вдруг шестерку мучить... — Право запрягать в карету шестерку лошадей имели в XVIII веке лица генеральского чина и выше.

[^^^]

Утешение Аняте. — В 1793 году Екатерина II разорвала дипломатические отношения с Францией, вследствие чего в Россию перестали поступать французские товары, и в том числе предметы роскоши. Эта тема шутливо обыгрывается в стихотворении.

[^^^]

Фидель — имя домашней собачки.

[^^^]

Флора сенска — французские духи.

[^^^]

Росский Пиндар — М. В. Ломоносов.

[^^^]

Война! — война течет кровава! — По видимому, имеется в виду война с Польшей 1794 года.

[^^^]